

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-874-881

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
История Китая с древнейших времен до начала XXI века:
В 10 т. / Гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский; Институт
Дальнего Востока РАН. Т. IX: Реформы и модернизация
(1976—2009) / Отв. ред. А.В. Виноградов.
М.: Наука, 2016. — 996 с.

Л.И. Кондрашова

Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Россия

В век Интернета и смартфонов книги стали куда менее востребованными. Но хотелось бы верить, что недавно вышедший девятый том десятитомной серии «Истории Китая», посвященный современному периоду от «культурной революции» до 60-летней годовщины КНР, ждет более счастливая участь, и к нему будут обращаться политики и студенты, интересующиеся современным Китаем, за короткий срок вырвавшимся в авангард мировых экономических гигантов. Читатели получают исчерпывающие ответы на свои запросы и могут быть уверены в надежности получаемых данных. Авторами статей являются 37 видных российских синологов, в числе которых 10 докторов и 21 кандидат наук [Журавлева 2015]. Все они владеют китайским языком, посвятили свою жизнь изучению Китая. Следует отметить крайне спокойный и доброжелательный тон изложения материала, хороший литературный язык. Большой вклад внес ответственный редактор тома А.В. Виноградов, который сумел не только сгладить неизбежные в среде ученых противоречия, отредактировать представленные материалы, но и лично написать почти треть всего опубликованного текста. Искреннюю благодарность заслужил корифей российской синологической науки, главный редактор всей десятитомной серии академик С.Л. Тихвинский, которому принадлежит инициатива издания, подбор рабочего коллектива, решающий голос при принятии концептуальных решений.

Комплексный характер работы выразился в широком охвате проблем как внутренней, так и внешней политики Китая. В разделах тома детально рассматриваются эволюция политического и экономического курса КНР в исследуемые годы, создание новых механизмов, разработка и корректировка реформ, установление отношений КНР с ведущими мировыми державами, а также проблемы экологии, религии, культуры и многие другие.

Исторические работы отличаются тем, что во главу угла ставится описание событий в их строгой хронологической последовательности, далекое и близкое,

настоящее и прошлое равны в своей исторической значимости, но требуют не одинакового подхода. Обращение к отдаленному прошлому затруднено тем, что уже нет прямых свидетелей происходившего, но зато сам исследователь полностью свободен в изложении своих взглядов и полемизирует только со своими коллегами. В случае анализа событий вчерашнего дня наличие разных взглядов трудно привести к одному знаменателю, исследователь сталкивается с обилием политически скользких и даже официально запретных тем, ощущает недостаток апробированных теоретических подходов. Именно с такими сложностями пришлось разбираться авторам данного тома.

Первая трудность — выбор объектов исследования, поскольку нельзя объять необъятное. Из многочисленных аспектов внутренней политики особенно повезло, на наш взгляд, политической тематике, которая оказалась в руках ответственного редактора тома. При большой широте его эрудиции политика — его конек, он прекрасно владеет материалом, является автором большого количества фундаментальных трудов. Очень хороший подбор авторов и в экономических разделах — А.В. Островский и В.Я. Портяков — два заместителя директора ИДВ РАН, крупные специалисты по экономике КНР, В.Я. Портяков к тому же — главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока» [Журавлева 2015]. В работе над томом участвовали такие уникальные специалисты в своей области, как Н.Е. Боровская (образование), С.А. Горбунова (религия), И.В. Ушаков (экология), Н.Е. Демидо (театр, спорт).

Можно ожидать, что наиболее востребованными окажутся разделы, посвященные особенностям китайской «открытой политики». В них дается квалифицированное описание эволюции внешнеполитических и внешнеэкономических отношений Китая с другими странами, затрагиваются важные вопросы использования Китаем иностранного технического и управленческого опыта. Очень хорошо описаны история создания и особенности функционирования специальных экономических зон [История Китая... 2016: 247—259, 352—356]. Менее повезло, на наш взгляд, социологической тематике. Хотя в экономических разделах уделено определенное внимание и социологическим вопросам, хороший материал представила известный синолог-демограф Е.С. Баженова [История Китая... 2016: 205—207, 464—465, 708—710], но такие вопросы, как социальная структура китайского населения [Кондрашова 2014], проблема миграции и положения крестьянских мигрантов, растущая дифференциация доходов населения и др. не получили должного освещения.

Полностью доверяя квалификации авторов и добротности представленных материалов, хотелось бы высказать некоторые соображения в отношении использованных понятий, задуматься над тем, что до сих пор казалось весьма очевидным. Начнем с привычного понятия «реформа».

Весь временной промежуток, охватываемый данной работой, приходится на сложный процесс изменений китайской общественной жизни, обозначаемый словом «реформа». Четыре главы в своих названиях содержат слово «реформа»;

что касается последующих глав, то они тоже посвящены ее продолжению. На наш взгляд, стоило бы дать свое толкование понятию «реформа» и его содержанию в китайских условиях. Поскольку китайской реформе через год исполнится уже 40 лет, вечная привязка к этому ключевому слову лишается смысла. В действительности реформа как комплекс мероприятий по созданию новых политических и экономических институтов на наших глазах перерастает в трансформацию, которая по своему содержанию куда шире, чем реформа, включает в себя и решение обычных структурных задач, и антиреформистские отступления, и корректировку реформы в ее первоначальном варианте. Фактически мы имеем дело с длительным и сложным процессом становления государства нового типа, что можно считать одним из самых важных политических и экономических сдвигов современной эпохи [Кондрашова 2015]. Где поставить точку китайских реформ — задача научных исследований.

Важная теоретическая проблема — идентификация Китая с социализмом. В самом Китае принято формационное обозначение проводимого курса как «социализм с китайской спецификой». В настоящее время это определение полностью отождествляется с конфуцианским представлением об обществе «сяокан».

Общая оценка значения китайского пути еще не устоялась. К тому же мировая общественная наука находится в кризисе, теоретические разработки явно отстают от требований времени. Плюс ко всему — дипломатичность российских ученых не позволяет им вступать в полемику с китайскими политиками и исследователями, тем более в случае с официальными китайскими установками. В самом Китае засилье идеологических штампов преодолевается с трудом. Не секрет, что до сих пор многие материалы остаются засекреченными, а на широкое обсуждение наиболее чувствительных проблем наложен запрет.

К числу таких слабо изученных тем до недавнего времени относилась расправа с «бандой четырех», что стало основным предварительным условием осуществления реформ в Китае. Скорость проведения этой операции, полная согласованность действий ее участников, радикальность последующих перемен позволяют трактовать ее как хорошо подготовленный политический переворот [История Китая... 2016: 18—22]. Пришедшее к власти реформистски настроенное китайское руководство, расправившись с наиболее ревностными последователями Мао Цзэдуна, немедленно продемонстрировало свою враждебность «леворадикализму» не только в «личном плане», но и концептуально, осудив «большой скачок» и «культурную революцию». Это означало полный разрыв с «традиционной» моделью социализма в ее маоистском варианте, основанной на административно-командных методах управления, широком обобществлении производства и внешнеэкономической замкнутости, но без заявлений о смене общественного строя и общей социалистической ориентации. Можно сказать, что после смерти Мао Цзэдуна и ареста его соратников к власти в Китае пришли «другие коммунисты», ярые приверженцы модернизации страны, вынужденные многие годы камуфлировать свои убеждения традиционной коммунистической фразеологией и преданностью Мао Цзэдуну, искать компромиссы со своими коллегами по партии и участвовать в чуждых им политических кампаниях.

Еще более засекреченным событием в жизни страны выглядит трагедия на площади Тяньаньмэнь весной и летом 1989 г. [История Китая... 2016: 430—447]. Разгон участников студенческого бунта летом 1989 г. завершился победой руководства КНР над либеральным диссидентством ценой многих человеческих жизней и потери международного авторитета Китая. Приведенная в рецензируемой работе официальная китайская оценка числа жертв в 300 человек выглядит явно заниженной по крайней мере в 10 раз [История Китая... 2016: 441]. Гибель многих молодых людей, полных надежд и романтических устремлений, не может не вызвать осуждения китайского руководства, не сумевшего предотвратить нараставший накал протестных страстей. Вместе с тем нельзя не признать, что предпринятые решительные действия со стороны силовых органов помогли избежать дальнейшего развития событий по сценарию «бархатных революций», ставших позднее столь распространенными в бывших социалистических странах. Провал попытки провести в Китае «перестройку» по советскому образцу позволил сохранить единство и целостность страны, существование коммунистической партии и курс на проведение кардинальных политических и экономических реформ.

Этот вывод разделяют не все. Автор раздела «Противостояние в партии и обществе» [История Китая... 2016: 442—447] Ю.М. Галенович считает, что студенческое движение не достигло поставленных целей потому, что его лидеры не выдвигали задачу борьбы против государственного механизма, против компартии и социализма. Получается, что если бы выдвигали такие цели, то могли бы рассчитывать на победу. Но кому во благо? Еще одной причиной поражения восстания автор раздела считает тот факт, что со студентами не объединились широкие слои городского населения [История Китая... 2016: 444]. На самом деле, эта слабость протестующих показывает как раз сохранившийся авторитет власти и партии, у которых впоследствии нашлись силы признать допущенные ошибки, пресечь развитие негативной тенденции и направить страну на проведение кардинальных преобразований. Поэтому идеалы студенчества на построение великого и процветающего Китая не были похоронены, а оказались воплощенными в государственной политике «реформ и открытости», которая произвела на свет «китайское чудо».

Касаясь применимости к Китаю устоявшихся политэкономических понятий, нельзя обойтись без разговора о терминах «частное» и «общественное». История Китая по существу протекала в условиях компромисса между государственно-административным и феодально-удельным вариантами развития с постепенной эволюцией верховной государственной собственности в иерархическую с характерной для нее бюрократической стратификацией, при которой имущественное положение индивида было напрямую и достаточно тесно связано с той государственно-политической функцией, которую он выполнял. Развитие товарно-денежных отношений с самого начала было сильно ограничено государственной властью, опасавшейся резких имущественных различий, разорения крестьянства и появления в лице богачей самостоятельной социально-политической силы, которая мог-

ла бы противостоять всевластию правителя. Такому «раскладу сил» в пользу государственного начала способствовало господствовавшее конфуцианское учение с приматом общественной пользы над корыстным частным интересом. Опиравшееся на разветвленную административную иерархию «бюрократическое государство» выступало как ультраконсервативная сила, использовавшая в целях сохранения статус-кво, поддержания мира и порядка различные методы внеэкономического принуждения.

Вступление Китая на социалистический путь развития можно объяснить, помимо особых международных условий и сложившегося соотношения политических сил внутри страны, прочными традициями института «власть-собственность» и культурным наследием, которое помогло широкому восприятию неоспоримых преимуществ «общественной собственности на средства производства» и коллективизма. Современное отступление от прежних догматов марксистского учения весьма характерно для реформы отношений собственности, которая основывается на отрицании особого монополистического статуса государственной собственности и на признании правомочности всех форм негосударственной собственности. Прежняя нетерпимость по отношению к частной собственности сменилась толерантным допуском всех форм собственности, способным обеспечить выполнение амбициозных экономических задач.

Особо хотелось бы отметить разделы работы, посвященные разбору китайских теоретических дискуссий: «Дискуссии о критерии истины» [История Китая... 2016: 71—77], «Дискуссии о гуманизме и отчуждении» [История Китая... 2016: 124—127], «Дискуссии о марксизме» [История Китая... 2016: 369—373], «Обсуждение стратегии экономических преобразований» (с. 536—543), «Социально-экономические дискуссии в 2000-х годах» [История Китая... 2016: 652—664]. Их авторы — О.Н. Борох и А.В. Виноградов — продемонстрировали отличное владение китайским материалом и превосходную политэкономическую эрудицию. Нам кажется, что эти статьи стоило бы объединить в рамках отдельного раздела, посвященного идеологическим проблемам.

Знакомство с китайскими дискуссиями показывает противоборство разных политических сил в отношении стратегии общественного развития КНР. Сравнение выдвигавшихся политических платформ позволяет говорить о наличии трех разных реформистских проектов. В лагере «реформаторов-радикалов» было немало приверженцев абсолютного господства рынка, «нормальных» частнособственных отношений, широкого развития экономической и политической демократии. Китайские либералы стояли за полный и решительный отказ не только от прежних утопических социальных экспериментов маоистского толка, но и от бесперспективного, на их взгляд, «реформирования социализма», за снятие всех преград на пути приватизации и установления режима политического плюрализма. Социальной базой таких прокапиталистических устремлений служил нарождавшийся слой предпринимателей, прозападно настроенных представителей научной и творческой интеллигенции.

Радикальным устремлениям с явной симпатией в отношении капитализма, либерализма и демократии противостоял другой экстремум — приверженцы марк-

систского социализма и «идей Мао Цзэдуна», которые усматривали в рыночном реформировании сохраняющуюся опасность «реставрации капитализма». Между этими двумя полюсами находились «умеренные реформаторы», готовые к решительным действиям ради преодоления экономической отсталости, но при сохранении политической стабильности. Признавая необходимость рынка и конкуренции для материального стимулирования трудовой деятельности и предпринимательской инициативы, повышения эффективности производства и изживания государственного патернализма, они в то же время считали главной целью реформирования рост благосостояния всех слоев общества, сохранение порядка в стране и легитимной смены руководства. Отмежевываясь от леворадикальной программы «большого скачка» и «культурной революции», эти «реформаторы-прагматики» выступали за постепенную демократизацию общественной жизни, но без посягательств на решающую политическую и экономическую роль государства и коммунистической партии. В результате именно такое содержание стало вкладываться в официальное понятие «социализма с китайской спецификой».

При проведении современной реформы Китай отошел от прямого следования рецептам Международного валютного фонда (МВФ) и других международных организаций, однако общий стратегический курс по многим параметрам совпал с рекомендациями западных экономистов в отношении рыночного реформирования бывших социалистических стран. Поэтому рано говорить об отторжении «буржуазной либерализации», тем более когда возрождение класса буржуазии идет по нарастающей. Прав был Чэнь Юнь, исполняющий обязанности председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (1976—1978), заместитель председателя Центрального Комитета Коммунистической партии Китая (1956—1966, 1978—1987), когда в 1985 г. заявлял, что открытая политика и экономические реформы неизбежно влекут за собой проникновение буржуазной идеологии [История Китая... 2016: 303].

Решения политических форумов последних лет свидетельствуют о том, что Китай подошел к очередному водоразделу своей истории и истории своей хозяйственной реформы и готов предпринять решительные действия по исправлению допущенных просчетов. Самое очевидное, что Китай должен развивать свою экономику и свои политические институты с учетом природных и демографических особенностей, темпами и в сроки, которые диктуются существующими реалиями при соблюдении требований управляемости страны и поддержания политической стабильности.

Поздравляя авторов этого фундаментального исследования с его выходом в свет, а читателей с возможностью расширить свои познания о Китае, хочется надеяться на большее внимание нашей науки к изучению Китая и на появление новых глубоких работ синологического направления с подключением ученых самого разного профиля — экономистов, политологов, социологов и культурологов. Работы для них непочатый край.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Журавлева Е.В. Китаеведение в России. Интервью с заместителем директора Института Дальнего Востока РАН В.Я. Портяковым // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 162—168.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. Т. IX: Реформы и модернизация (1976—2009) / Отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука, 2016.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / Под ред. С.Л. Тихвинского. М.: Наука; Восточная литература, 2013—2017.

Кондрашова Л.И. Китай на пути создания национальной социальной модели // 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва: горизонты реформ / Отв. ред. А.В. Островский. В 2 частях. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 24—34.

Кондрашова Л.И. Китай: современное «углубление реформы» как новый этап построения рыночной экономики // Новые аспекты социально-политического развития КНР: Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ. Москва, 18—19 марта 2015 / Под ред. А.В. Виноградова. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 70—82.

Дата поступления статьи: 15.09.2017

Для цитирования: Кондрашова Л.И. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / Гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский; Институт Дальнего Востока РАН. Т. IX: Реформы и модернизация (1976—2009) / Отв. ред. А.В. Виноградов. М.: Наука. 2016. — 996 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 874—881. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-874-881.

Сведения об авторе: Кондрашова Людмила Ивановна — д-р экон. наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока Российской Академии наук (e-mail: lu2701@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-874-881

REVIEW OF THE BOOK:

Vinogradov A.V. (eds.). (2016). History of China from ancient times to the beginning of the XXI century: In 10 Volumes. Vol. IX: Reforms and modernization (1976—2009). Moscow: Nauka. — 996 p. (in Russ.)

L.I. Kondrashova

Institute for Far Eastern Studies of Russian Academy of Science, Moscow, Russia

REFERENCES

Kondrashova, L.I. (2014). China on the road to the creation of a national social model. In: *3rd plenum of the Central Committee of the CCP of the 18th convocation: horizons of reforms*. Ed. by A.V. Ostrovskiy. In 2 chapters. Moscow: IFES of RAS, p. 24—34. (in Russ.).

Kondrashova, L.I. (2015). China: Modern “deepening of reform” as a new stage in building a market economy. In: *New aspects of the socio-political development of the PRC. Materials of the annual scientific conference of the Center for Policy Studies and Forecasts of IFES of RAS*. Moscow, March 18—19, 2015. Ed. by A.V. Vinogradov. Moscow: IFES of RAS, p. 70—82. (in Russ.).

Tikhvinskiy, S.L. (2013—2017). *History of China from ancient times to the beginning of the XXI century: In 10 Volumes*. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura. (in Russ.).

Vinogradov, A.V. (eds.) (2016). *History of China from ancient times to the beginning of the XXI century: In 10 Volumes. Vol. IX: Reforms and modernization (1976—2009)*. Moscow: Nauka. (in Russ.).

Zhuravleva, E.V. (2015). Sinology in Russia. Interview with Deputy Director of Institute for Far Eastern Studies of Russian Academy of Science Vladimir Portyakov. *Vestnik RUDN. International Relations*, 15 (1), 162—168. (in Russ.).

Received: 15.09.2017

For citations: Kondrashova, L.I. (2017). Review of the Book: Vinogradov A.V. (eds.) (2016). *History of China from ancient times to the beginning of the XXI century: In 10 Volumes. Vol. IX: Reforms and Modernization (1976—2009)*. Moscow: Nauka. — 996 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (4), 874—881. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-874-881.

About the author: Kondrashova Lyudmila Ivanovna — Doctor of Economics, Senior Researcher of the Institute for Far Eastern Studies of Russian Academy of Science Sciences (e-mail: lu2701@yandex.ru).

© Кондрашова Л.И., 2017